

К 100-летию со дня рождения Ф. И. Шаляпина

ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЙ ТАЛАНТ

13 ФЕВРАЛЯ исполняется 100 лет со дня рождения Ф. И. Шаляпина. Наш корреспондент Ю. Беспалов встретился с солистом Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова, народным артистом СССР Борисом Штоколовым и солистом Большого театра, народным артистом РСФСР Артуром Эйзенем.

— Прежде всего, что для каждого из вас, слилось «в этом звуке» — Федор Шаляпин?

Эйзен: — Все. Без Шаляпина не представляю развития мирового оперного искусства. Он и сегодня остается светочем, примером, которому стараются подражать, у которого учатся оперные певцы всего мира музыкальности, пластической выразительности, художественному вкусу, умению жить в образе — словом, всему тому, что определяет высокий класс артиста. Я вспоминаю начало своей деятельности в Большом театре, когда мне, молодому артисту, пришедшему в театр из ансамбля песни и пляски, предложили начать работу над партией царя Бориса в опере Мусоргского «Борис Годунов». Я тотчас отказался, потому что считал кощунством петь Годунова после Шаляпина. Пушкинский стих в соединении с музыкой Мусоргского, да еще в глубоко трагическом исполнении Шаляпина представляет собой неповторимый шедевр искусства, и я не знаю, кто в мире может исполнить партию Годунова лучше Шаляпина. И хотя после многих лет раздумий, поисков, сомнений, после тщательного изучения шаляпинского наследия я решился весной этого года выступить в роли Бориса Годунова, это не значит, что я хочу восполнить пробел в мировом оперном искусстве.

Штоколов: — По-моему, шаляпинские достижения стали своего рода критерием в оценке творческих поисков любого оперного певца. Разумеется, копировать Шаляпина было бы величайшей нелепостью, но учиться у него следует всегда. И когда о ком-то говорят как о достойном ученике и сравнивают, скажем, искусство перевоплощения с шаляпинским, лучшей похвалы и быть не может.

— Кстати о перевоплощении. Вот что мне в свое время рассказывал директор Петроградских театров В. В. Беспалов:

«Шаляпин готовился к гастролям во Франции, где должен был выступать в партии князя Галицкого. По

мнению артиста, князю не хватало разгульности. Начался поиск... Как-то раз перед репетицией Шаляпин, как всем показалось, приехал в театр явно «навеселе», покачиваясь и кидая по сторонам свирепые взгляды. И вот настало время выхода на сцену. Трудно себе представить изумление, охватившее его коллег, когда перед глазами предстал князь-кутила, рьяный поклонник Бахуса, гуляка и ухарь. После окончания заключительной сцены, бросив дирижеру: «На сегодня хватит», Федор Иванович легкой и быстрой, абсолютной трезвой походкой прошел к себе в уборную и начал снимать грим. А через две недели с триумфом спел партию Галицкого в парижском театре Шатле».

Штоколов: — Шаляпин вообще обладал могучей актерской хваткой, обнаруживая всякий раз способность творчески перевоплощаться в драматический образ. За жизнь он спел множество различных партий, и ни в одной из них его нельзя упрекнуть в недостатках актерской игры.

Эйзен: — Он рано понял, что для достижения высоких творческих целей актеру мало одного голоса, пусть даже феноменального, что без углубленной работы в области общей культуры ему будет недоступен широкий охват драматических конфликтов и он не сможет создать человечески правдивые и философски обобщенные образы.

Штоколов: — Его стремление к знаниям, к овладению всеми путями для достижения вершин искусства известно всем. Шаляпин много, очень много работал даже в годы расцвета, хотя и имел колоссальный талант.

Эйзен: — Он был великим артистом, прославившим наше искусство. Помните у Горького: «В русском искусстве Шаляпин — эпоха, как Пушкин». Шаляпин стал легендой, творил на стыке двух миров, в момент острых социальных конфликтов и столкновений, поднимая на щит реалистическое оперное искусство. Гений Шаляпина был всеобъемлющим.

Штоколов: — Он умел раскрывать тайники человеческой души, передавать тончайшие, почти неуловимые движения чувств героев так мастерски, как, скажем, не под силу было Титта Руффо, Энрико Карузо, гениальность которых неоспорима.

Мне приходилось часто за последние годы бывать за рубежом, выступать в оперных спектаклях, гастролировать с концертными программами. Выпала честь петь с такими известными певцами, как Борис Христов, Николай Гяуров, Тито Гобби, Рената Скотто, Леония Прайс... И все они с одинаковым восхищением говорят о таланте Шаляпина.

ШАЛЯПИН ПОЕТ ДЕМОНА

ВЕСНОЙ, в апреле 1919 года в Петрограде, в Мариинском театре отмечалось двадцатилетнее служение на государственной сцене Федора Ивановича Шаляпина.

При распределении билетов во многих учреждениях применяли лотерею. К числу счастливых, выигравших два билета в пятом ряду партера, относился и мой старший брат. Шаляпин в этот вечер должен был петь партию Демона в опере Антона Рубинштейна.

В ту пору город находился на военном положении. Хождение по улицам было разрешено только до десяти часов вечера. Шла гражданская война, и фронт был недалеко от Петрограда. Спектакли в театрах начинались обычно в шесть часов вечера, но юбилейный спектакль начали на час раньше, чтобы после чествования зрители успели вернуться домой. По мере приближения к театру желающих присутствовать на юбилее становилось все больше и больше, а у самого входа в театр народ стоял так плотно, что счастливых зрителей с билетами приходилось, точно во время наводнения, вытаскивать из бушующей толпы: вот почему в помощь контролерам поставили милиционеров.

Мы в зрительном зале. Впервые за время гражданской войны была зажжена большая хрустальная люстра. Ощущение торжественности усилилось. И вот полились мрачные звуки вступления, медленно поднимался занавес. От сцены, объятой тьмой, веяло холодом. С большим усилием можно было разглядеть еле уловимое движение волокнистых облаков, «сквозь которые, как страшные призраки, выступали огромные скалы. Вершина одной скалы вдруг ожила: казалось, что она дышит, пытается сбросить с себя тяжелый мрак ночи.

Вот уже ясно видны две мощные обнаженные руки: одна величественно покончила на выступе скалы, другая, заслонившая наклоненную голову, постепенно, как бы отодвигая ночную завесу, медленно описывая дугу, открывает лицо. Попирая ногами скалу, стоит несокрушимый дух зла. С его головы спускаются, как длинные черные змеи, густые волосы. На груди блещут латы. Легкая дымка темно-фиолетового по-

крывала окутывает парственную фигуру. На бледном лице застыло выражение безысходной тоски. После резкого аккорда оркестра послышался всеокутывающий голос: «Презренный мир, несчастный, ненавидимый мной мир». В эти гневные слова проклятия, посылаемые миру, Шаляпиным — Демоном была вложена огромная, неукротимая ненависть.

Влюбленный, испытывающий нечеловеческую страсть и жгучее желание обновления, Шаляпин — Демон был прекрасен. Его величественная, исполненная фигура была в то же время настолько легка и пластична, что при каждом появлении он, казалось, не ходил, а плавно летал. Иллюзия была потрясающей: чудилось, будто облако двигалось по сцене.

После третьего акта возбужденная публика ждала чествования. В зрительном зале снова полнился свет. Под громовые аплодисменты взвился занавес. Сцена, освобожденная от декораций, была до отказа заполнена людьми, только посередине оставался узкий проход, покрытый ковровой дорожкой.

В глубине сцены показались гигантская фигура Шаляпина в гриме Демона. Под гул рукоплесканий и криков он дошел до середины сцены, остановился и сделал низкий поклон. Все присутствующие в зале встали и стояли до конца чествования. На галерее раздалось дружное пение «Русской славы», которое сразу же было подхвачено всем залом и всеми, кто был на сцене: «Слава на небе солнцу красному, слава Федору Ивановичу, слава!».

После трехкратного пения «Славы» со всех сторон слышались возгласы: «Да здравствует Шаляпин!», «Ура!».

Сияющий Шаляпин стоял у рампы; в ответ на ликование и приветствия публики он изобразил объятия, в которые как бы хотел заключить всех, кто пришел его чествовать. Охваченная экстазом, публика бросилась к барьеру оркестра и готова была уже перелезть через него, но внезапно поднятая вверх рука Шаляпина остановила иступленный порыв.

Воспользовавшись на одно мгновение тишиной, из толпы, окружавшей

юбиляра, вышел режиссер Мариинского театра Воеводин; его выступлением и началось чествование. В руках он держал только что полученную приветственную телеграмму от народного комиссара просвещения А. В. Луначарского, которую он огласил всему залу:

«Дорогой Федор Иванович! Мне больно, что дела совершенно неотложного и экстренного порядка не дают мне счастливого возможности присутствовать на вашем и нашем, на общем, надеюсь, всех объединяющем празднике вашего двадцатилетнего несправедленного служения искусству. Кланяюсь вам и целую вас в надежде, что вы еще много радостей, высоких и возвышающих, всем нам подарите.

Преданный вам А. Луначарский».

Приветствие наркома вызвало бурю аплодисментов.

Два человека внесли на сцену на деревянном блюде, накрытом белым полотенцем с вышитыми на концах красными петухами, огромный каравай с солонкой. Взяв в руки хлеб, юбиляр благоговейно поцеловал его.

Выступил президент Академии наук А. П. Карпинский; вслед за ним вышел композитор А. К. Глазунов, который был очень краток. Сказав несколько теплых, сердечных слов, он заключил в объятия своего друга. В конце чествования, после многих поздравителей, вышел сторбленный коренастый старик, опирающийся на палку. Его очень подвижное и благородное лицо с умными глазами выражало торжественность и волнение. Это был видный общественный деятель, юрист А. Ф. Кони. Он сказал, что Шаляпин — это огромный талант, которому нет равных не только в своем Отечестве, но и во всем мире; Шаляпин — это народный русский гений и что мы по праву гордимся своим великим соотечественником.

Потом, прямо обратясь к Шаляпину, Кони сказал: «От лица пришедших отдать дань поклонения вашему могучему гению примите наше русское великое спасибо и земной поклон».

И снова, с еще большей силой, загремела «Слава»...

Б. СТРАХОВ,
бывший солист ГАБТ СССР.